

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ / PRZEKŁADOZNAWSTWO

*Anna Bednarczyk***Предпереводческий анализ текста
(на материале одного четверостишия
Осипа Мандельштама)**

Издавая учебное пособие, посвященное предпереводческому анализу текста, Маргарита Брандес и Валерий Провоторов писали:

Смысл пособия состоит в том, чтобы будущий переводчик усвоил для себя, что он переводит не просто язык текста (т.е. язык, который накладывается на фактуальное, предметное содержание) и не просто текст как фактуальное содержание (т.е. содержание, лишенное внутренней оформленности), а переводит язык, который является результатом информационной переработки фактуального содержания текста, является выражением многократно осмысленного содержания. Иными словами, он переводит не только «о чем» говорится в тексте (это очень простой и неадекватный вид перевода), а «что» говорится и «как» это выражается в самом тексте и языке текста. «Что» и «как» – за этими словами стоит смысл текста, т.е. информационное содержание текста, которое складывается из функционального содержания («что») и формального, также смыслового («как»). «Что» и «как» образуют форму фактуального содержания текста, которая также содержательна и называется информационной формой. В этой форме «что» – функциональное содержание (конкретное коммуникативное содержание), существующее в виде «речевого жанра», а «как» – информационная структура этого функционального содержания, определяющая языковой стиль произведения¹.

Не существует ни одна польская работа, исследующая исходный текст именно с такой перспективы, и тем более, выполняющая данный анализ на материале польского и русского языков. Хотя, существует, конечно, ряд статей, авторы которых анализируют свою собственную переводческую работу, указывая избранные собой цели, доминанты, а также решения и приемы, помогающие преодолеть затруднения, ставшие на их переводческом пути.

¹ М.П. Брандес, В.И. Провоторов, *Предпереводческий анализ текста*, Москва, НВИ-Тезаурус, 2001. http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tr-analysis.shtml (22.12.2016); первое издание 1999.

Несомненно первым такого рода современным текстом следует считать напечатанную впервые в 1936 году статью Юлиана Тувима *Czterowiersz na warsztacie*², где поэт и один из лучших польских переводчиков русской поэзии объяснял, почему он не смог перевести четыре первых стиха из пролога к *Руслану и Людмиле* Александра Пушкина:

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом³.

В 90-ые годы 20 века появились анализы переводов, помещенные в книге Станислава Баранчака *Ocalone w tłumaczeniu*⁴, однако он концентрировался прежде всего на указании своих переводов из разных языков на фоне и в сравнении с переводами, выполненными раньше другими переводчиками, где «точкой соотнесения» была выделяемая самим Баранчаком семантическая доминанта, определяемая как тот элемент структуры поэтического текста, который является ключом к его общему смыслу. Это обозначает, что допереводческий анализ сводился к ее определению.

Имеются и рассуждения переводчиков, например, Яцек Балух подробно описывает свой перевод известнейшего стихотворения Тувима *Lokomotywa* на чешский язык⁵, указывая прежде всего на затруднения, ограничивающие переводчика.

В каком-то смысле допереводческим анализом можно считать также книгу Пшемислава Яниковского о затруднениях перевода молодой польской литературы⁶, хотя она не относится к переводу на конкретный язык, но, учитывая специфику исходного текста, дает переводчикам некоторые указания.

Автор настоящей статьи тоже несколько раз пыталась провести такого рода анализ, рассуждая о своих переводческих доминантах и рассматривая путь к преодолению затруднений⁷. На этот раз я тоже попытаюсь показать такого рода анализ, который был проведен мною вместе с двумя студентками и выполнен с дидактической целью.

² J. Tuwim, *Czterowiersz na warsztacie*, [в:] *Pisarze polscy o sztuce przekładu 1440–2005. Antologia*, ред. Е. Balcerzan, Е. Rajewska, Wyd. Poznańskie, Poznań 2007, с. 135–145; первоиздание статьи Тувима 1936.

³ А.С. Пушкин, *Руслан и Людмила*, [в:] А.С. Пушкин, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 3: *Поэмы. Сказки*, Гос. Изд. «Художественная литература», Москва 1960, с. 9.

⁴ S. Barańczak, *Ocalone w tłumaczeniu*, Wydawnictwo a5, Poznań 1992.

⁵ J. Baluch, *Jak tłumaczyłem «Lokomotywę» Tuwima na czeski*, [в:] J. Baluch, *Wiersz i przekład*, Scriptum, Kraków 2007, с. 145–166.

⁶ P. Janikowski, *Polska literatura najmłodsza w kontekście problematyki translatoologicznej*, „Śląsk”, Katowice – Częstochowa 2008.

⁷ См. напр.: А. Bednarczyk, *Потенциальность перевода (на примере одного стихотворения Марины Цветаевой)*, [в:] *Rosja w kryształe. Rozważania, fakty i miraż*, ред. D. Obolęńska, U. Potocka-Sigłowy, K. Arciszewska, K. Rutecka, Wyd. UG, Gdańsk 2014, с. 299–312.

Однако, до того как приступить к анализу, посвятим еще несколько слов предпереводческому (называемому также допереводческим) анализу текста, как таковому. Итак, упоминаемые русские авторы подчеркивают, что, приступая к переводу, переводчик должен выяснить, «в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует», так как, по их мнению, именно эти факторы определяют специфику текста. Кроме того предметом перевода является для них широко понимаемая форма текста. Все примеры анализа в книге Брандес и Провоторова проделаны с точки зрения языкового подхода и, к тому же, с учетом концепции теории перевода, изложенной в книге Брандес *Стиль и перевод* от 1989 года⁸. Поэтому авторы рассматривают прежде всего коммуникативную и жанрово-стилевую структуру текстов, а также их функционирование в разных социально-коммуникативных условиях (в системе функциональных стилей).

Подвергаемые анализу тексты исследуются с точки зрения выявления общих жанрово-стилевых особенностей текста – функционального стиля и речевого жанра в специализированных текстах и, в свою очередь, художественного направления и образа «говорящего субъекта» (автора) для художественного текста. В нехудожественном тексте определяется «внутренняя структура способа коммуникации», в художественном выявляется роль «говорящего субъекта» и то, что влияет на впечатление читателя. Все это должно способствовать понятию переводчиком типовой синтаксической организации текста и его лексического оформления.

Таким образом, «понимание» оказывается исходной категорией теории перевода, значимой для достижения адекватности перевода и для разработки путей преодоления встречающихся при этом трудностей⁹, и так как понимание – деятельность психическая, в книге рассуждается о ее двух формах, а именно о деятельности мыслительной (духовной, направленной на производство знания) и вторичной по отношению к ней, речемыслительной (духовно-практической, связанной с применением знания в коммуникации) деятельности понимания. Брандес считает, что в процессе понимания достигается расшифровка и постижение смысла¹⁰.

В свою очередь, целью анализа оказывается указать возможность воспроизвести в переводе смысл первоисточника, тем более, что адекватность перевода, по мнению упоминаемых авторов, связана с раскрытием смысла как системы, «которая определяет языковой стиль текста»¹¹. Поэтому авторы предлагают для анализа текста метод «критики перевода», который должен продемонстрировать трудности выполнения перевода в рамках данного речевого жанра и функционального стиля.

⁸ М.П. Брандес, *Стиль и перевод (на материале немецкого языка)*, Высшая школа, Москва 1988.

⁹ Там же, с. 17.

¹⁰ Там же, с. 21.

¹¹ М.П. Брандес, В.И. Провоторов, *Предпереводческий анализ...*

Другую концепцию предпереводческого анализа предлагает Ирина Алексеева в своей книге *Введение в переводоведение*¹². Здесь разработана схема предпереводческого анализа, согласно которой переводчик должен:

- провести сбор внешних сведений о тексте (сведения об авторе текста, о времени и месте его создания, и публикации), который укажет, что в переводе допускается, напр., «если это текст прошлого века, пусть он и не художественный, – пишет Алексеева – при переводе необходима архаизация»;
- определить, кто автор и кем является реципиент данного текста (для кого он предназначен);
- определить тип информации в тексте (она может быть когнитивной, например, название фирмы в деловом письме; оперативной, если в тексте находятся указания для адресата; эмоциональной, например, слова приветствия, или же выражение мнения, а также эстетической, которую Алексеева не находит в нехудожественном тексте¹³.

Все вышепредставленные знания помогают переводчику формулировать коммуникативное задание текста. Ученая обращает также внимание на речевой жанр исходного текста, который должен осознавать переводчик, хотя он не обязательно должен воспроизводить все черты данного стиля¹⁴.

По поводу предпереводческого анализа текста высказываются и другие ученые, однако чаще всего они приводят мнения Брандес, которая является автором теоретической части пособия, или Алексеевой, и относятся прежде всего к нехудожественным текстам¹⁵.

Отметим также, что независимо от вида анализируемого текста исследователи все чаще пишут о предпереводческом анализе как о первом этапе работы переводчика¹⁶, а также обращают внимание на пригодность занятий по предпереводческому анализу в дидактике перевода. Это относится

¹² И.С. Алексеева, *Введение в переводоведение*, Филологический факультет СПбГУ – Издательский центр «Академия», Санкт-Петербург–Москва 2004.

¹³ Там же, с. 324–328.

¹⁴ Там же, с. 329.

¹⁵ См. напр.: Н.А. Каширина, *Предпереводческий анализ текста как фактор повышения качества письменных переводов*, «Известия Южного федерального университета. Технические науки» 2004, № 1 (36), с. 258; N. Kashirina, *Psychology of translation: Critical and Creative Thinking*, [в:] *Handbook of Research on Teaching Methods in Language Translation and Interpretation*, ред. Y. Cui, W. Zhao, IGI Global, Disseminator of Knowledge, Hershey 2014, с. 274–296, <http://www.igi-global.com/book/handbook-research-teaching-methods-language/110032#table-of-contents> (22.12.2016); В.В. Старкова, *Предпереводческий анализ фрагмента монографии К. Норд «Translation as a purposeful Activity»*, «Cateris Paripus» 2015, No. 4, с. 100–103; О.В. Аникина, Е.В. Якименко, *Формирование умений предпереводческого анализа текста у студентов экономических специальностей*, «Вестник Томского государственного университета» 2012, № 362, *Психология и педагогика*, с. 150–152; N. Kalmazova, *Teaching Law Students Pre-Translation Text Analysis Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, «The Journal of University of Bialystok» 2016, No. 45, с. 87–96.

¹⁶ См. напр.: R. Ayupova, *Pretranslation Text Analysis as a Part of Translation Process*, «Procedia – Social and Behavioral Sciences» 2014, No. 136, с. 213–216.

не только к работам русскоязычных ученых. О предпереводческом анализе, как о вступительной фазе деятельности переводчика писали также Даниэль Гудек (в 2007 г.)¹⁷ и, намного раньше, Кристиана Норд (в 1991 г.)¹⁸.

Гудек указывает на три вида переводческой деятельности (1. Pre-translation 2. Translation 3. Post-translation)¹⁹, причем предпереводческая деятельность трактуется им прежде всего как понимание исходного текста, поиски нужной информации и терминологии (в том числе фразеологии), свойственных данному виду специализированного текста (документа), для накопления материала необходимого для конструирования целевого текста²⁰.

Норд, которая рассматривает предпереводческий анализ в контексте дидактики перевода, предлагает довольно полную схему такого изучения исходного текста, разделяя его составные на экстралингвистические и внутритекстовые факторы. Среди экстралингвистических она выделяет автора текста, его интенцию, адресата, способ передачи данного сообщения (устный или письменный), место и время создания текста, а также причину его возникновения и цель перевода). Среди внутритекстовых: тему текста, его содержание и структуру, реалии и невербальные элементы, влияющие на данный текст, лексические и синтаксические особенности текста и его прагматическое воздействие на реципиента²¹.

Интересно отметить, что предложения ученых очень похожи друг на друга и относятся прежде всего к специализированному тексту. К тому же стоит подчеркнуть, что о предпереводческом анализе рассуждают в большинстве русскоязычные исследователи и дидактики перевода. Следует также упомянуть о том, что русские теоретики часто приводят другие работы по теории перевода, например, книгу Рюрика Миньяра-Белоручьева от 1996 г.²², в которой не упоминается о предпереводческом анализе, однако предлагается провести анализ исходного текста до того, как приступить к его переводу.

Понимая пользу, какую может принести предпереводческий анализ исходного текста, мы считаем, что он необходим также в случае художественного текста, о котором в последнее время говорится все меньше, что в свою очередь связано с господствующим в современной науке прагматизмом и, соответственно, с ориентировкой науки о переводе на устный и специализированный перевод. Итак, мы считаем уместным заняться и предпереводческим анализом по отношению к художественному тексту. Такого рода анализ может повлиять на выполнение качественного перевода. Более того, мы убеждены в том, что предпереводческий анализ именно художественного текста

¹⁷ D. Gouadec, *Translation as a profession*, John Benjamins Publishing, Amsterdam and Philadelphia 2007.

¹⁸ C. Nord, *Text Analysis in Translation. Theory, Method and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis*, translated from the German by Ch. Nord, P. Sparrow, Amsterdam/Atlanta GA, Rodopi 1991.

¹⁹ См. D. Gouadec, *Translation...*, с. 13.

²⁰ Там же, с. 20–22.

²¹ C. Nord, *Text Analysis in Translation...*, с. 156.

²² Р.К. Миньяр-Белоручев, *Теория и методы перевода*, Московский лицей, Москва 1996.

более наглядно выявляет специфику исходного текста, чем анализ текста, необладающего эстетической функцией. Этому способствует также нагромождение в художественном тексте стилистических и поэтических средств, концентрирование в нем разного рода проблем. С точки зрения дидактики перевода кажется, что решение этих проблем (на материале художественного произведения) поспособствует их решению относительно текстов с меньшей сгущенностью явлений, препятствующих переводу.

Итак, перейдем к конкретному случаю (тексту), которым послужит нам написанное в апреле 1935 года четверостишие Осипа Мандельштама, известное читателям под заглавием *Воронеж*:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, –
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож²³.

Приступая к предпереводческому анализу, первым делом следует, конечно, выяснить для себя значение всех слов, проделывая филологический перевод. Работая с интересующим нас текстом вместе со студентами, мы предложили следующее толкование:

Wypuść (puść) mnie, oddaj mnie (zwróć) Woroneżu:
Uronisz mnie czy przegapisz (stracisz),
Czy mnie upuścisz czy zwrócisz, –
Woroneż – kaprys (dziwactwo; błogosławieństwo), Woroneż – kruk, nóż.

В свою очередь, указывая реалии написания текста, мы обратили внимание на то, что данное стихотворение, вошедшее в состав так называемых *Воронежских тетрадей*, возникло во время ссылки Мандельштама в Воронеж, которая началась в 1934 году.

Данный невербальный контекст обязывает переводчика учесть время и, прежде всего, место написания стихотворения, последствием чего является неизбежность оставить в переводе Воронеж, как место действия.

Со словом *Воронеж* связана однако некоторая ассоциативно-звуковая цепочка слов и образов, а именно: *Воронеж – уронишь – проворонишь – выронишь – вернешь – выронишь – вернешь – Воронеж – Воронеж – ворон – нож*.

С одной стороны, мы видим здесь слова, ассоциирующиеся с чем-то ощущаемым как печальное, страшное, как проигрыш. Имеются в виду глаголы:

- *уронить*, то есть выпустить из рук, выронить, выбросить;
- *выронить* с таким же значением;
- *проворонить*, а значит упустить, недосмотреть, потерять, просмотреть, пропустить.

²³ О.Э. Мандельштам, *Пусти меня, отдай меня, Воронеж...*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#pusti-menya-oddaj> (22.12.2016).

Кроме того существительные *ворон* и *нож*. Первое (*ворон*) ассоциируется с несчастьем, с символом смерти (вспоминаются фольклорные образы, в том числе народная казачья песня *Черный ворон*), а также с черным цветом, который сам по себе относится к тому же ассоциативному кругу. Второе (*нож*), пополняет тот же семантический пласт.

Появляются также два, в каком-то смысле антонимных образа: *выронишь* – *вернешь* (с одной стороны выбросить, с другой возвратить, хотя оба обозначают избавление от чего) и Воронеж, который одновременно является блаженством (счастьем), и с другой вороном-ножом (несчастьем).

Последнее, о чем следует сказать, это звуковой пласт стихотворения, который благодаря совмещению твердых (-в-, -р-) и шипящих (-ж-, -ш-) согласных, а также их повторяемости, создает ощущение угрозы. В «пространстве» четырех небольших строк, насчитывающих всего лишь 20 слов, мы найдем 10, заключающих в себе перечисленные согласные. В свою очередь повторяемость касается не только согласных, но также слова «Воронеж» (троекратно) и своеобразно «входящей в состав» названия этого города и слова «проворонишь» лексемы «ворон»: «**Воронеж**» – «**проворонишь**»²⁴.

Поэтому, кроме воспроизведения в переводе слова Воронеж, можно заключить, что в целевом тексте остаться должен и характерный звуковой план подлинника.

Переходя к следующему этапу анализа, каким с нашей точки зрения кажутся поиски польских соответствий, мы, с одной стороны, обязаны учесть, что в стихотворении должен остаться *Woroneż*, как соответствие русского Воронежа, и с другой, что на языке перевода следует подобрать слова, заключающие в себе определенно ассоциирующиеся звуки. Однако на польском языке нельзя найти такую же, как на русском, ассоциативную звуковую цепочку, стержнем которой было бы слово «Воронеж» – *Woroneż*. Существуют, правда, слова такие как *wrona*, *wrony* (*koń*), *wróg* и даже *wróżba*, заключающие в себе звуковое сочетание [wr]. Имеются и паронимные звуки, конструируемые посредством звуко сочетания, основой которого является согласный -г-, такие как [br] как в словах *bronić*, *broń*, *brona*, или же [rn] (в данном случае [ron]) как в лексеме *ronić*, в также [hr], [dr] и другие, дающие ощущение хрипа, гортанных звуков. В поэтическом творчестве они часто используются для введения негативного настроения, ощущения чего-то страшного, тревожного²⁵. Конечно, не все слова, имеющиеся в польском словарном запасе, можно использовать в переводе, однако передпереводческий анализ должен выявить потенциальные возможности, какие дает целевой язык.

²⁴ Жирный шрифт мой – А.Б.

²⁵ О такой функции звука -г- см., напр.: S. Barańczak, *Mały, lecz maksymalistyczny manifest translologiczny albo tłumaczenie się z tego, że tłumaczy się wiersze również w celu wytłumaczenia innym tłumaczom, iż dla większości tłumaczeń wierszy nie ma wytłumaczenia*, «Teksty drugie» 1990, nr 3, s. 50–51; A. Choma-Suwała, *Poezja Pawła Tyczyńskiego w przekładach Józefa Czechowicza*, «Slavia Orientalis» 2016, nr 3, t. LXV, s. 543.

Итак, наш филологический вариант можно восполнить следующим образом:

Филологический перевод	Пополненный филологический перевод
Wypuść (puść) mnie, oddaj mnie (zwróć) Woroneżu: Uronisz mnie czy przegapisz (stracisz), Czy mnie upuścisz czy zwrócisz, – Woroneż – kaprys (dziwactwo; błogosławieństwo), Woroneż – kruk, nóż.	Wypuść (puść) mnie, oddaj mnie (zwróć) Woroneżu: Uronisz mnie czy przegapisz (stracisz, obronisz), Czy mnie upuścisz czy zwrócisz (odwrócisz), – Woroneż – kaprys (dziwactwo; błogosławieństwo), Woroneż – kruk (wrona, czarny), nóż (ostrzy).

В данный момент мы вынуждены обратить еще внимание на стихосложение, в том числе на пятистопный ямб и мужскую рифму, завершающую стихотворение, которые очень важны для исследуемого текста, так как динамизируют все высказывание. В подлиннике наблюдается парная рифма, в двух первых строках женская, в двух последних – мужская, чему соответствует каталексис в первой и второй строках, сменяющийся двумя ямбическими строками без каталексиса. Динамизирование заключается именно в этой замене удлиненных парокситонических строк, окситоническими с ударением на последний слог. Из этого вытекает, что надо искать рифму к слову *kruk, nóż* или же найти другое слово, завершающее четверостишие.

Пытаясь перевести данное стихотворение, учитывая доминанты, какими стали для нас: воспроизведение выразительного ямбического ритма, последней мужской рифмы и ассоциативной семантически-звуковой цепочки базирующийся на слове «Воронеж», а также сочетание звуков, вызывающих сходные с подлинным ассоциации (несчастье, выронить – упустить – вернуть – отпустить) и включающих согласную -р-, или шипящие, мы решили первую строку завершить названием города в именительном падеже – *Woroneż*, что можно сделать, прибегая к вопросительному наклонению, последствием чего оказались поиски рифмы к данному слову. Мы использовали для этого веб-сайт www.gutier.org и решили использовать лексему, гарантирующую неточную рифму, а именно название одной из рек Гадеса – *Acheron* (Ахерон) в творительном падеже (*Acheronem*), к тому же данное слово составляет рифму к слову «dom» (*domem*). Правда, данной реки не было в тексте русского поэта, однако Мандельштам очень часто применял в своих стихах мифологические соотнесения, не столько навязывая к мифологии и древней Греции, сколько используя их для указания на актуальные и совершенно реальные проблемы. Именно так решили поступить и мы. Здесь следует заметить, что Ахерон это – река скорби (печали), что позволило на месте оппозиции «уронишь – проворонишь» построить другую *domem – Acheronem*.

В свою очередь в третьей строке мы использовали нагромождение шипящих «strzec jak stróż» и зарифмовали слово «stróż» с завершающим стихотворение *nóż*. Кроме того стоит упомянуть о наступившей здесь замене *ворона* (*kruk*) *вороной* (*wrona*), что позволило воспроизвести звуковой фон мандельштамовского стиха и не нарушило его семантики, так как в польской культуре

ворона (wrona) может сочетаться с несчастьем, достаточно упомянуть хотя бы *Nie rozdziobią nas kruki i wrony* Стефана Жеромского, а также *Słownik symboli* Владислава Копалинского²⁶.

Стоит еще обратить внимание на производное от «благо» (блаженство) слово «блажь», которое используется в значении прихоть, каприз, причуда и ассоциативно связано также с блаженством юродивого. Заключаемые в нем смыслы образуют в стихотворении еще одну оппозицию. В переводе ее нет, зато мы решили компенсировать эту нехватку противоречивыми по отношению к Воронежу определениями: *cud* – *wrona*, *nóż*. Таким образом, у нас получилось следующее четверостишие:

Czy odda mnie, czy zwróci mnie Woroneż,
Czy będzie domem czy też Acheronem?
Czy wrócisz mnie, czy będziesz strzegł jak stróż?
Woroneż – cud, Woroneż – wrona, nóż²⁷.

в котором, несмотря на немного другой лексический состав, наблюдается столько же слов с интересующими нас звуко сочетаниями, сколько мы наблюдали в первоисточнике (10), в котором появились повторения слов и звуков. И хотя звуковых повторений типа «Воронеж – проворонишь – ворон» в польском варианте нельзя было повторить, то в нем появилось повторение *Woroneż* – *wrócisz* – *wrona* и добавочное *strzegł* – *stróż*.

Конечно, можно пытаться передать данное четверостишие другим образом, например, с использованием глагола «bronić» или «zabraniać», что в свое время предложил Станислав Баранчак, переводящий стихотворение Мандельштама дважды:

<i>Wypuść mnie wreszcie, zwróć mnie już, Woroneż...</i>	<i>Niech mnie wypuści, zwróci już Woroneż...</i>
Wypuść mnie wreszcie, zwróć mnie już, Woroneż – Uronisz mnie, zabronisz czy obronisz, Czy mnie poskromisz, czy poronisz w kurz – Woroneż – stróż, Woroneż – wroni nóż*.	Niech mnie wypuści, zwróci już Woroneż – Miasto, czy mnie uronisz, czy zabronisz, Czy mnie poskromisz, czy poronisz w kurz? Woroneż – stróż, Woroneż – wroni nóż**.

* O. Mandelsztam, *Wypuść mnie wreszcie, zwróć mnie już, Woroneż...*, перевод: S. Barańczak, [в:] O. Mandelsztam, *Późne wiersze*, wyd. Enklawa (wydawnictwo podziemne w Wielkiej Brytanii).

** O. Mandelsztam, *Niech mnie wypuści, zwróci już Woroneż...*, перевод: S. Barańczak, [в:] *Nikomuni słowa*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 1998, с. 193.

Эти два перевода позволяют в некоторой степени проследить путь переводчика, так как указывают вариант, который можно считать первой попыткой, и версию, демонстрирующую совершенствование перевода. Если

²⁶ W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1991, pdf.

²⁷ Перевод: Anna Bednarczyk, Gabriela Delida, Ewelina Łuczak.

присмотреться им с этой точки зрения, заметим, что Баранчак пытается воспроизвести те же составные стихотворения, которые решили сохранить в переводе мы. Имеются в виду характерные для русского поэта семантико-фоновые ассоциативные цепочки, рифмическая схема, Воронеж и связанное с пребыванием в нем настроение. С другой стороны, заметим, что переводчик, не стремясь воспроизвести стихотворный метр, заменяет его силлабическим стихом, в котором две первые строки насчитывают 11, а две последние 10 слогов.

Стремление сохранить рифму привело Баранчака к употреблению лексем *obronić* (*obronisz*) в первом и *zabronić* (*zabronisz*) во втором переводе и к использованию рифмы *kurz – póź*. Кажется, что степень отклонения от оригинала в обеих версиях можно сравнивать с нашим предложением. Существенной разницей кажется акцент, какой делает Баранчак на звуковые повторения, особенно в первом своем тексте, где находим ряд: «*Uronisz mnie, zabronisz czy obronisz, / Czy mnie poskromisz, czy poronisz*». Однако кажется, что данное оформление перевода привело к обращению внимания польского читателя прежде всего на умение ее автора играть словами, а не на смысл, заключенный в мандельштамовском стихе. Поэтому решение убрать из позднейшего варианта одно из приводимых слов (*obronisz*), мы считаем целесообразным. Мы также согласны с заменой приказа *Wypuść mnie [...], zwróć mnie...*, выражающими желание словами «*Niech mnie wypuści, zwróci...*», так как по-польски сочетание глагола в повелительном наклонении с именительным падежом неодушевленного имени существительного недопустимо. В данном случае мы замечаем то же препятствие, из-за которого мы решили задать вопрос «*Czy odda mnie, czy zwróci mnie...*».

Завершая настоящие рассуждения, хотелось бы обратить внимание на некоторые характерные именно для Мандельштама художественно-поэтические элементы. С одной стороны, их следует учитывать, переводя разные тексты поэта, чтобы не потерять характер мандельштамовского стиха. С другой стороны, их можно использовать, даже если они отсутствуют в конкретном, переводимом нами тексте, так как они свойственны поэтике автора *Воронежа*... Имеются в виду прежде всего ассоциативные цепочки, соотношения с разными мифологиями и древними культурами, игра звуком, повторения на разных уровнях языка и текста, а также характерные для русского поэта ассоциации, например, желтый цвет, сочетающийся с несчастьем (как слова «Солнце желтое страшнее» из стихотворения *Эта ночь неоправима*...²⁸ и «Где к зловещему дегтю подмешан желток» из *Ленинграда*²⁹), или же прозрачность, обозначающая смерть (как в случае стиха с однозначным началом *В Петрополе прозрачном мы умрем*...³⁰, а также в стихотворении *Когда Психея, жизнь спускается к теням*..., где «прозрачного» и намеков на него очень

²⁸ О.Э. Мандельштам, *Эта ночь неоправима*..., <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#eta-noch-nepopravima> (22.12.2016).

²⁹ О.Э. Мандельштам, *Ленинград*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#list> (22.12.2016).

³⁰ О. Э. Мандельштам, *В Петрополе прозрачном мы умрем*..., <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#v-petropole-prozrachnom> (22.12.2016).

много, процитируем некоторые: «Когда Психея-жизнь спускается **к теням/ В полупрозрачный лес** вослед за Персефоной», «Навстречу беженке спешит **толпа теней**», «И **лес безлиственный прозрачных голосов**», «Душа не узнает **прозрачные дубравы**»³¹). Именно такой подход к мандельштамовскому творчеству позволил нам использовать в переводе несуществующий в подлиннике «Ахерон».

Завершая настоящие рассуждения, стоит вернуться еще к цитируемым вначале словам Брандес и Провоторова, которые обращали внимание на то, что переводчик должен ответить для себя на вопрос «что» и «как» говорится в тексте, ответив тем самым на вопрос о его функциональном коммуникативном содержании («что») и форме – информационной структуре («как»), которые вместе определяют речевой жанр и языковой стиль произведения. Нам кажется, что с точки зрения художественного текста этого мало. Проведя настоящий анализ, мы пришли к выводу, что кроме прозвучавших уже вопросов «что» и «как» следует спросить «почему». Не отвергая ни одного из указанных исследователями предпереводческого анализа элементов данного изучения текста, мы ставим этот вопрос, так как, по нашему мнению, переводчик должен найти для себя ответ на вопрос почему автор написал именно это «что» и почему он выразил данное «что» именно таким способом – «как». Кроме того, учитывая, что предпереводческий анализ ведет к возникновению перевода, переводчик должен ответить на вопрос «что перевести», а значит «какие у него доминанты» и «как перевести», а значит «какие у него возможности» и прежде всего он должен знать «почему» он принимает данные решения.

Литература

- Ayupova R., *Pretranslation Text Analysis as a Part of Translation Process*, «Procedia – Social and Behavioral Sciences» 2014, No. 136, c. 213–216.
- Baluch J., *Wiersz i przekład*, Scriptum, Kraków 2007.
- Barańczak S., *Mały, lecz maksymalistyczny manifest translatologiczny albo tłumaczenie się z tego, że tłumaczy się wiersze również w celu wytłumaczenia innym tłumaczom, iż dla większości tłumaczeń wierszy nie ma wytłumaczenia*, «Teksty drugie» 1990, nr 3, s. 7–66.
- Barańczak S., *Ocalone w tłumaczeniu*, Wydawnictwo a5, Poznań 1992.
- Bednarczyk A., *Потенциальность перевода (на примере одного стихотворения Марины Цветаевой)*, [в:] D. Oboleńska, U. Potocka-Sigłowy, K. Arciszewska, K. Rutecka ред. *Rosja w kryształach. Rozważania, fakty i miraż*, Wyd. UG, Gdańsk 2014, c. 299–312.
- Choma-Suwała A., *Poezja Pawła Tyczyny w przekładach Józefa Czechowicza*, «Slavia Orientalis» 2016, nr 3, t. LXV, s. 539–556.
- Gouadec D., *Translation as a profession*, John Benjamins Publishing, Amsterdam and Philadelphia 2007.
- Janikowski P., *Polska literatura najmłodsza w kontekście problematyki translatologicznej*, «Śląsk», Katowice–Częstochowa 2008.

³¹ О.Э. Мандельштам, *Когда Психея-жизнь спускается к теням...*, http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_1/01versus/0111.htm (22.12.2016); жирный шрифт мой – А.Б.

- Kalmazova N., *Teaching Law Students Pre-Translation Text Analysis Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, «The Journal of University of Bialystok» 2016, № 45, с. 87–96.
- Kashirina N., *Psychology of translation: Critical and Creative Thinking*, [в:] *Handbook of Research on Teaching Methods in Language Translation and Interpretation*, ред. Y. Cui, W. Zhao, IGI Global, Disseminator of Knowledge, Hershey 2014, с. 274–296, <http://www.igi-global.com/book/handbook-research-teaching-methods-language/110032#table-of-contents> (22.12.2016).
- Kopaliński W., *Słownik symboli*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1991, pdf.
- Mandelsztam O., *Niech mnie wypuści, zwróci już Woroneż...*, перевод: S. Barańczak, [в:] *Nikomu ani słowa*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 1998.
- Mandelsztam O., *Wypuść mnie wreszcie, zwróć mnie już, Woroneż...*, перевод: S. Barańczak, [в:] O. Mandelsztam, *Późne wiersze*, wyd. Enklawa (Wielka Brytania), с. 37.
- Nord C., *Text Analysis in Translation. Theory, Method and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis*, Amsterdam, Rodopi 2005 (первоиздание 1991).
- Tuwim J., *Czterowiersz na warsztacie*, [в:] *Pisarze polscy o sztuce przekładu 1440–2005. Antologia*, ред. E. Balcerzan, E. Rajewska, Wyd. Poznańskie, Poznań 2007, с. 135–145.
- Алексеева И.С., *Введение в переводоведение*, Филологический факультет СПбГУ – Издательский центр «Академия», Санкт-Петербург–Москва 2004.
- Аникина О.В., Якименко Е.В., *Формирование умений предпереводческого анализа текста у студентов экономических специальностей*, «Вестник Томского государственного университета» 2012, № 362, *Психология и педагогика*, с. 150–152.
- Брандес М.П., Провоторов В.И., *Предпереводческий анализ текста*, Москва, НВИ-Тезаурус, 2001. http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tr-analysis.shtml (22.12.2016).
- Брандес М.П., *Стиль и перевод (на материале немецкого языка)*, Высшая школа, Москва 1988.
- Каширина Н.А., *Предпереводческий анализ текста как фактор повышения качества письменных переводов*, «Известия Южного федерального университета. Технические науки» 2004, № 1 (36), с. 258.
- Мандельштам О.Э., *В Петрополе прозрачном мы умрем...*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx?v=petropole-prozrachnom> (22.12.2016).
- Мандельштам О.Э., *Когда Психея-жизнь спускается к теням...*, http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_1/01versus/0111.htm (22.12.2016).
- Мандельштам О.Э., *Ленинград*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#list> (22.12.2016).
- Мандельштам О.Э., *Пусти меня, отдай меня, Воронеж...*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#pusti-menya-otdaj> (22.12.2016).
- Мандельштам О.Э., *Эта ночь непоправима...*, <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#eta-noch-nepopravima> (22.12.2016).
- Миньяр-Белоручев Р.К., *Теория и методы перевода*, Московский лицей, Москва 1996.
- Пушкин А.С., *Руслан и Людмила*, [в:] А.С. Пушкин, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 3: *Поэмы. Сказки*, Гос. Изд. «Художественная литература», Москва 1960, с. 7–86.
- Старкова В.В., *Предпереводческий анализ фрагмента монографии К. Норд «Translation as a purposeful Activity»*, «Cateris Paripus» 2015, № 4, с. 100–103.

Предпереводческий анализ текста
(на материале одного четверостишия Осипа Мандельштама)
Резюме

В статье рассматривается проблема предпереводческого анализа текста, как первого этапа работы переводчика. В данном контексте рассматривается одно из стихотворений Осипа Мандельштама (*Пусти меня, оставь меня, Воронеж...*). Проводится попытка перевести текст согласно выявленным переводческим доминантам, характеристикам данного текста и творчества данного автора, а также осложнениям перевода. Указываются вопросы, на которые переводчик должен дать ответ: «что», «как» и «почему».

Ключевые слова: перевод, предпереводческий анализ, Мандельштам, переводческие доминанты, осложнения

Pre-translation Analysis of Text
(On the Example of a Poem by Osip Mandelstam)
Abstract

The paper considers the question of pre-translation analysis of text as the first phase of the translation process. In this context, the paper analyses one of the poems by Osip Mandelstam (*Let me go, give me up, Voronezh...*). The paper presents an attempt to translate the text in accordance with the identified translation dominants, and taking into account the characteristics of the text and the other works of the poet, as well as specific translation problems. The author indicates three questions which the translator must give an answer to: 'what', 'how', and 'why'.

Key words: translation, pre-translation analyze, Mandelshtam, translation dominants, difficulties

Anna Bednarczyk, prof. dr hab.
Uniwersytet Łódzki
Instytut Rusycystyki

Anna Bednarczyk, professor
University of Łódź
Institute of Russian Philology
e-mail: abednar@o2.pl
+48 608403872